

М. В. Кумаева

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА МАНСИЙСКОГО ФОЛЬКЛОР

Статья посвящена характеристике изобразительно-выразительных средств мансийского языка лексического, фонетического, морфологического, синтаксического уровней языка на примере фольклорных текстов.

В современной лингвистике язык мансийского детского устного народного творчества в системно-структурном аспекте практически не подвергался изучению. В настоящей работе мы придерживались методических принципов, разработанных отечественными и зарубежными исследователями: А. Н. Баландиным, Е. И. Ромбандеевой, А. Каннисто, Б. Мункачи, М. Лиимолой и др. Выбор методологии был обусловлен намеченными задачами и поставленной целью исследования. Для решения поставленных научных проблем нами был применён лингвокультурологический подход к рассмотрению текстов мансийского детского фольклора. Экспликация целостности объекта изучения способствовало применению системно-структурного подхода. Важное место в исследовании занимает также и структурно-семантический анализ. Выявление текстов, репрезентирующих систему изобразительно-выразительных средств, осуществлялось методом сплошной выборки.

Проанализированный материал показывает, что особое языковое своеобразие изобразительно-выразительных средств эксплицируется, прежде всего, на лексическом уровне и связано с репрезентацией устаревшей лексики (архаизмов и историзмов), заимствований номинаций лексико-тематических групп 'православная вера' и 'традиционные занятия манси – оленеводство, рыболовство, охота'.

Совокупность фонетических, лексико-семантических, стилистических и синтаксических единиц в их особом сочетании создает особую экспрессивность и образность в текстах детского мансийского фольклора. Важное место в процессе формирования структуры жанровой палитры мансийских текстов занимают единицы формульного характера, которые выполняют композиционную, смыслообразующую и экспрессивную функции и система повторов, которые играют роль стилистических, рифмообразующих и композиционных средств.

Ключевые слова: фольклор; язык; звукопись; параллелизм; повтор; сравнения; лексика.

Со времени возникновения письменности народа манси в 20–30-е гг. XX в. и до настоящего времени в отечественной науке оказался накоплен значительный фактический материал по вопросам изучения детского фольклора – это фольклорные сборники, монографии и учебные пособия, а также национальная мансийская газета «Луима сэрипос» («Северная заря»).

В мансийской филологии функционирование изобразительно-выразительных средств в текстах устного народного творчества до сих пор находится в недостаточной разработанности. Актуальность данной научной проблемы обусловлена тем, что в современной лингвистике язык мансийского детского фольклора в системно-структурном аспекте практически не подвергался изучению. Научная новизна данной диссертационной работы заключается в том, что на основе современных методов лингвистического анализа и описания, применённых к изучению текстов мансийского детского устного народного творчества, впервые прослеживаются и описываются особенности языка «материнской поэзии», языка малых жанров и повествовательного фольклора, анализируется система изобразительно-выразительных средств мансийского детского фольклора.

Целью настоящего исследования является изучение и анализ системы изобразительно-выразительных средств мансийского детского устного народного творчества. Для достижения поставленной цели нами решается следующая задача: репрезентировать систему изобразительно-выразительных средств на материале исследуемых мансийских фольклорных текстов.

Для решения поставленных научных проблем нами был применён лингвокультурологический подход к рассмотрению текстов мансийского детского фольклора. Экспликация целостности объекта изучения способствовало применению системно-структурного подхода. Важное место в исследовании занимает также и структурно-семантический анализ.

Многие ученые финно-угроведы, русисты, тюркологи посвящали свои труды исследованию выразительных средств устного народного творчества. Так, отечественный исследователь мансийского языка и фольклора А. Н. Баландин научную исследовательскую работу посвятил «Языку мансийской сказки» (1939). Также в отдельных работах и статьях обращали свое внимание на выразительные средства мансийского фольклора Э. И. Мальцева (2000), Е. И. Ромбандеева отметила высокохудожественное значение образных выражений, выразительных средств в «Героическом эпосе манси (вогулов)» (2010). Статьи, посвящённые анализу выразительных средств хантыйского фольклора, опубликованы М. А. Лапиной (2008), С. Д. Дядюн (2012). В. А. Роббек (1988) и Е. В. Нестеровой описаны образные слова эвенского языка (2008), в марийском языкознании Э. В. Гусева свое исследование посвятила теме «Выразительные и образные средства в создании словесного портрета (на материале марийского романа)» (2007); Н. Б. Киле – «Семантической характеристике образных слов нанайского языка» (1965) и другие ученые.

Следует отметить, что звукопись способствует усвоению детьми кратких и долгих гласных, сложных для артикулирования. В мансийском детском фольклоре частотной является аллитерация сонорных, которые также могут вызвать трудности при их артикулировании. В силу этого приём «избыточности» использовался как своеобразный материал для речевой гимнастики детей.

Как показало исследование, в текстах фольклора наблюдаются различные виды аллитераций и ассонансов (повторы звуков [с], [м], [л], [н], [п], [х], [с], аллитерации со звуками [п], [р], многократный повтор звуков [п], [к], эпифорический повтор [м], [н], повтор гласного краткого и долгого [у], [ӯ], [а], [аа]). Например: *сат ёрн потыртан пупыг, сат ёр нётмил, сат-нёлолов элмхолоа* ‘Семи ненцев говорящий шаман, семи ненцев помощь, семь-восемь человек...’ (Сказки..., 2015: 74); *Я тапал мус карыс керас люлис* ‘На другом берегу реки высокая скала стояла’ (Сказка..., 2016: 3); *Тарыг лави: «Нанг арум ул юныгтэлн! Арум юныгтанкен (эрти) маныр нангыин емты? Нан арум ул юныгтэлн! Ам нангын пунгл щёптылум»*; ‘Журавль говорит: «Ты меня не убивай (букв. ‘не стукни’)! Если убьешь меня, тебе какая от этого польза? Ты меня не убивай! Я тебе оленьё стадо приготовлю»’ (Kannisto, 1956: 42).

Отметим, что в мансийской устной народной поэзии наблюдается также синтаксический параллелизм – передача одной и той же мысли двумя близкими конструкциями, в той или иной мере отличными одно от другого каким-либо словом, является важнейшей особенностью художественного стиля мансийского фольклора: *Этэ сат йиквегыт, хотылэ сат йиквегыт* (‘И семь ночей пляшут – танцуют, и семь дней пляшут – танцуют’) (Загадки..., 2002: 178).

Типичными оказываются анафорический повтор отдельного слова/словосочетания и эпифорический повтор отдельного слова/словосочетания/предложения: *Хотал кат касаласлум, ам та касаласлум, овлэт ам та касаласлум* ‘солнечный луч увидел / я увидел / первым увидел я’ (Kálmán, 1976: 58); *Ам неллум..., маньци латнгыл молях луйги, руц латнгыл ёнгхи* ‘Мой язык..., на мансийском языке щебечет, на русском языке не ворочается’ (Munkácsi, Kálmán, 1986: 253); *Хара яныгкан, хара яныгкан нуми-палт равсантап, равсантап нуми-палт сохнёл, сохнёл нуми-палт равсантап, равсантап нуми-палт хара янгкылма, хара янгкылма нуми-палт раль ур* ‘Чистая поляна, а над чистой поляной мешалка (находится) / Над мешалкой находится бревно / Над бревном находится моргающий / Над моргающим находится болото / Над болотом находится густой лес (подбородок, рот, нос, лоб, волосы)’ (Kannisto, Liimola, 1963: 154) и др. Наиболее употребительны параллельные конструкции в текстах сказок, загадок.

Повторы распространены в колыбельных песнях: *Кисынг сунтуп ёмас апал / Няврамаквем нёвиталыглыкем / Тарынг сунтуп ёмас апал / Няврамаквем нёвиталыглыкем...* ‘С обручевым ободом в хорошей люльке / Дитяtko свое я покачиваю / С корневым ободом в хорошей люльке / Дитяtko свое я покачиваю»; и тавтологические выражения: «Атын туляп тулянг лаглыл / Няврамаквем нёвиталыглыкем. Атын туляп тулянг катыл Няврамаквем нёвиталыглыкем... – Пятипалой ногой (с пятью пальцами) Дитяtko свое я качаю / «Пятипалой рукой (с пятью пальцами) Дитяtko своё я качаю» (Мансийские..., 2016: 8).

Проанализированные нами материалы показали, что к морфологическим средствам выразительности языка детского фольклора относятся и специфические уменьшительно-ласкательные суффиксы *-кве, -рись, -уп, -на* (*няврамаквем дитяtko мое, катиришь кошечка, лаглуп ножка, нёлуна носик*) и др.

В текстах мансийских сказок обязательными элементами являются зачины и концовки, а также сказочные формулы, которые также построены на параллельной конструкции: *олэг-хулэг* (‘живут-поживают’); *Муйлысыт, тэсыт, айсыт, ань ты мус олэгыт, ань ты мус щунегыт* (‘Гостили, ели, пили, до сих пор живут, до сих пор здравствуют’); *эрыг тотнэ хум, мойт тотнэ хум* (‘в песнях прославляемый человек, в сказках прославляемый человек’); *элмхолас исынг торум паты и элмхолас нотынг торум паты* (‘наступит долгая человеческая жизнь, наступит вечная человеческая жизнь’).

В текстах колыбельной песни, детских сказках, загадках часто встречаются различные приёмы повторения. Полное или частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава (или с его частичным изменением) как способ образования слов, синтетических и описательных форм и фразеологических единиц.

Повтор может эксплицироваться на разных уровнях языковой системы: *фонетическом* (аллитерация, ассонанс), *морфемном* (корневой повтор), *лексическом* (текстообразующий повтор), *морфологическом* (повторение грамматических форм) и *синтаксическом* (словоформ, словосочетаний, предложений). Рассмотрим, более подробно, каждый из видов этого тропа.

Лексический повтор широко распространён в модели параллелизма, например: *Най усун нэгли* (‘Является в геройский город’), *Отыр усун нэгли* (‘Является в богатырский город’). Также можно привести примеры образных выражений, используемые сказителями в текстах по фольклору: «*Аке сорнитэ нох-хангхи, аке сорнитэ ёл-ваглы, хоталь олн пормас, хоталь олн олтул, колэт сяр таглэ*» (‘Один луч золотой вверх поднимается, другой луч золотой вниз опускается, много всякого имущества, много всякого богатства, дом всем этим полон’) (Баландин, 1939: 55). Встречаются и повторы междометий: «Тох та мовиньталы: *ах-ах-ах*» (‘Вот так он смеется: ха-ха-ха’); *ана-на!* (‘ой-ой-ой!’) и др.

Эпифорический повтор может быть выражен глаголами *олсыт* (‘жили’) в форме третьего лица, множественного числа, прошедшего времени, *минасыг* (‘шли’) в форме второго лица, двойственного числа, прошедшего времени, *тотунгкве* (‘испытать, нести’) в форме инфинитива; именем существительным *ёрн* (‘сила’), оформленным лично-притяжательным суффиксом второго лица, единственного числа; причастием туп *лапнэ* (‘войти’, букв. ‘едва входящему (носу, голове)’); словосочетанием *няр сыг* (‘сырые кишки’). Данный троп также может быть репрезентирован, например, глаголами *унлыс* (‘сидела/сидел’) в форме третьего лица, единственного числа, прошедшего времени; синонимами *вагтал, сёлтал* (‘обессилели, состарились’), оформленными вспомогательным глаголом *патсыг* в форме третьего лица, двойственного числа, прошедшего времени; причастием *алнэ* (сёл) (букв. ‘добывающей (силы нет)’).

Одной из главных функций, которые выполняют различные виды повторов в произведениях устного поэтического творчества, является создание зоны активной и многомерной экспрессивности, мелодичности и даже напевности. Повторы в исследуемых фольклорных текстах обеспечивают его связность.

Обязательными в текстах детского фольклора являются встречающиеся звукоподражательные слова (ономатопея). Звукоподражания используются в таких жанрах, как *колыбельные песни, потешки и пестушки, детские песни и стихотворения, детские сказки и загадки*.

Приведём примеры мансийских текстов, в которых присутствуют:

– *тройные трёхфонемные звуки*: *Тив-тив-тив!* / Турап хотал вари ке, / Ам хоталь исапегум? / Ам хоталь шалтапегум? / Ам тыг ты исапегум! / Ам тыг ты шалтапегум! / *Тив-тив-тив!* (‘Если наступит день ненастный (дождливый), / Куда я сяду (спрячусь)? / Где я укроюсь (спрячусь от дождя)? / Вот куда я сяду (спрячусь)! / Вот куда я залечу (спрячусь)!’); Тур вит, Ас вит: *поть-поть-поть!* (‘Озёрная вода, Обская вода: кап-кап-кап! !’) (Заклички..., 2016: 4);

– *двойные трёхфонемные звуки*: Эл-тыламлас, лави: *Кук-кук!*... (‘Летит и кричит: Кук-кук!’) (Мансийские..., 1996: 9);

– *двойные четырёхфонемные звуки*: Торум пыг сангквылты, *лымс-лымс* йикви (‘Сын Бога на сангквылтапе играет, женщина лымс-лымс танцует’); Ам амщум – ов! *Така-така* порат ур. (‘Моя загадка – эй! Така-така сугроб снежный’) (Загадки..., 2002: 17, 29). Реже встречаются звукоподражательные слова, скрипу, шума движения транспорта или предмета, состоящие из *пяти-, шести-, семи, восьми-, девяти-, десятифонемных звуков*.

На основе проанализированного нами материала выявлены следующие группы звукоподражательных слов:

а) *тройные трёхфонемные звуки*, трудно произносимые детьми;

б) *двойные трёхфонемные звуки*;

в) *двойные четырёхфонемные звуки* (и *двухфонемные*);

г) *двойные, состоящие из пяти-, шести-, семи-, восьми-, девяти-, десятифонемных звуков*.

Наиболее употребительными группами являются звукосочетания – подражание звукам природы, а также птиц, зверей и животных, которые обитают в лесах той местности, где проживает исполнитель фольклорного произведения.

На материале мансийского фольклора проанализированы и выделены нами на основании особенностей семантической структуры группы предметного сравнения.

Показателем сравнительных отношений в языке являются, прежде всего, сравнительные союзы – *аквтомат* (‘как’), *аквтон* (‘словно’): «Приехали люди, ... стали стрелять в спящих стрелами и убивать их, *словно аквтон* уток во время охоты на дичь»; «Тот, который направился к богатырю в Нахрачи, исчез в пути, *словно аквтон* южный ветер, не добравшись до места»; *Апыгкве, лаветен*: «*Аквм экв, та сам капаягн тай тэгыг, аег! Сяр ала тэгыг, ала аег!*» (‘Внученька, скажи: «Бабушка, ведь глазищи твои вот съедят, проглотят! Будто сейчас съедят, (будто) сейчас проглотят!»»); «*Апыгкве, лаветен*: «*Кат капаягн тай сяр арась хилнэ мантыг*». (‘Внученька, скажи: «У тебя ручищи – как лопаты, которыми в очаге разгребают»»); *Апыгкве, лавен*: «*Та мат нёл капайн саснёл хурина!* (‘Внученька, скажи: «Какой у тебя носище, как нос берестяной маски!»» (Мансийские..., 1996: 37–39).

В отрицательных сравнениях подчеркивается не сходство, а различие между членами сравнения, приведём примеры: *Ам амщум-ов! Та самныл тотым уткве лэг осэ атим, пунгк осэ атим*. – *Нан ханыцислына, ты маныр? – Ты мунги амыщ*. (‘Моя загадка – эй! С иного края доставленное нечто не имеет ни хвоста, (не имеет) ни головы. – Вы угадали, что это? – Про яйцо загадка (Каннисто)’); *Ам амщум-ов! Тэлы ат поляве, туйи ат поляве*. – *Ты маныр? Ханыцелын*. – *Ты сым амщ*. (‘Моя загадка – эй! Зимой не мерзнет, летом не мерзнет. – Отгадайте, о чем эта загадка? – Это про сердце загадка’) (Загадки..., 2002: 66–84, 110).

Подобные сравнения употребляются в ситуации, когда герой сказки находится в большом напряжении, например, когда его жизнь и здоровье находятся в опасности. В этих ситуациях троп служит для эмоциональной окраски основной мысли или для выражения чувства.

В сравнении наблюдаются следующие семантические структуры:

а) названия предметов, используемых в охоте ‘вораян вармалъ’ и рыбной ловле ‘хулупъян вармалъ’: «Сянгсикве-ук! Нёлтен манаракве? / – Туя янгк пувтнэ луймасатем, таквсы янгк пувтнэ луймасатем. / – Сянгсикве-ук! Хаплуватен манаратен? / – Турт ялнэ хапсуптем, Аст ялнэ хапсуптем. <...> (‘Птичка, - уук! Что за носик у тебя? / – Ломик, которым долбят весенний лёд, осенний лёд. / – Лодочка для озёр, лодочка для больших рек...’) (Мансийские..., 1996: 12) и др.;

б) названия предметов, используемых в оленеводстве ‘салы оцнэ вармалъ’: «Порхум эл торас, лаглагум – салы поснэ йивыг / ам какрум эл торас, лаглагум – салы поснэ йивыг» (‘моё туловище с вершок, ноги мои длиною с хорей, которым погоняют оленей’) (Мансийские..., 2003: 98); – Сянгсикве-ук! / – Сахупа маныр? / – Сахупа сат салы, хот салы пувнэ тыньсянг. (‘Что за кишочки у тебя? / – Аркан, ловить семь оленей, шесть оленей’) (Мансийские..., 1992: 14) и др.;

в) названия домашней утвари, посуды, предметов домашнего обихода ‘элмхоласыт оцнэ пормасыт’: – Сянгсикве-ук! Самтегн манаракве? / – Сос вит сантегм, хульм вит сантегм. / – Сянгсикве-ук! Пунгкхопитен манаратен? / – Туя вит айнэ сёнахатем, таквсы вит айнэ сёнахатем. / – Сянгсикве-ук! Порхсупн манаратен? / – Кутюв тыттын хурасуптем, амп тыттын хурасуптем. (‘Птичка, – уук! Что за глазки у тебя? / – Берестяные чашечки с водой цвета чаги, цвета золы. / – Птичка – уук! Что за головка у тебя? / – Ковшичек, для питья весенней воды, осенней воды. / – Птичка – уук! Что за туловище у тебя? / – Корытце собачку кормить, корытце собаку кормить. / – Птичка – уук! Что за грудка у тебя?..’); «Апыгкве, лаветен: «Кат капаягн тай сяр арась хилнэ мантыг» (‘Внученька, скажи: «У тебя ручищи – как лопаты, которыми в очаге разгребают’) и др.;

г) названия одежды ‘Элмхоласыт маснут’: кувсь (‘гусь/зимняя шуба’), сахисупкве (‘шубка/с орнаментом из оленьей шкуры’), янгк вай (‘белые кисы’), янгк порха (‘белая парка’) и др.;

д) предметы и явления окружающего мира ‘мувлахи олнэ савсыр вармалъ ос пормас’: Сёпыр понынг хурум ульпакве (‘три кедра с вершинами, похожими на глухариный хвост’); «Ам амицум-ов! Та самныл тотым уткве лэг осэ атим, пунгк осэ атим. – Нан ханьцислына, ты маныр? – Ты мунги амыц» (‘Моя загадка – эй! С иного края доставленное нечто не имеет ни хвоста, (не имеет) ни головы. – Вы угадали, что это? – Про яйцо загадка’); «Ам амицум-ов! Тэлы ат поляве, туйи ат поляве. – Ты маныр? Ханьщельн. – Ты сым амиц» (‘Моя загадка – эй! Зимой не мёрзнет, летом не мёрзнет. – Отгадайте, о чём эта загадка? – Это про сердце загадка’); «Такви тай, Суйпил лупта пангхвит ёсанг хум, энтапетт лэнгныт ханэгыт, сяр элмхолас хольт потыртты. Нас такви тай такем ты мань, ёсаге суйпил лупта пангхвитыг (‘А у мужчины, лыжи которого шириной с брусничным лист, на поясе висят добытые белки, и говорит он, как человек. Сам он такой маленький, и лыжи его – шириной с брусничным лист’) (Сказки..., 2012: 14–15) и др.

Диалог является неотъемлемой частью в структуре текстов устного народного творчества. Для детей оказывается привлекательной вопросно-ответная форма построения сюжета. К особенностям сказки «о животных» можно отнести организацию текста из развернутых диалогов, что создает возможности для импровизации, подключения детей к процессу рассказывания.

К особенностям сказки «о животных» можно отнести организацию текста из развернутых коммуникативных пар, что создаёт возможности для импровизации, подключения детей к процессу рассказывания, например, сказки: «Лиласи Совыр» («Трусливый Заяц»), сказка «Колынг уй ворасьлан вармалъ» («О споре домашних животных»), «Матапрись исылтахты» («Мышонок греется»), «Матапрись ялы-мины» («Мышонок-путешественник») и др.

Для детей дошкольного и начального школьного возраста исполняются сказителями сказки-диалоги. В тексте «*Пиласи Совыр*» («Трусливый Заяц») используются вопросительные слова (глаголы, местоимения): *атаясын?* («чуял запах?»), *касаласын-а?* («вы видели?»), *хунтамласын-а?* («вы слышали?»), *нётсын-а?* («вы помогли?»); слова, выражающие утверждение и отрицание (местоимения с частицей *ке*, глаголы).

Характеризуя особенности организации проанализированного фольклорного материала, можно отметить, что диалог является распространённой синтаксической структурой детского мансийского фольклора. Анализ текстов показывает, что наиболее распространён диалог в сказках о животных. Типичными оказываются неполные предложения, в которых отсутствует один или несколько членов (главный или второстепенный), ясные из контекста или ситуации.

В мансийских фольклорных текстах в связи с устным бытованием часто употребляются эллиптические предложения (эллипсис). Приведём примеры эллиптических предложений из текстов мансийского фольклора: «*Мань пыг минаме сирл туп катэ, вортыпал катэ тотыпалыс. Ань туля та консыгтастэ. Юв та минас. Юв минас (пыгрись), пунке-саме маньмыгтас, ёл та хуяс*» («Младший сын как ехал, только руку протянул, левую руку протянул. И поймал кольцо. Затем поехал домой. Домой поехал, голову, глаза укутал, спать лег»); «*Тахольт та сягтыс (пыгрись)*» («Обрадовался (юноша)»); «*Я-та-ты, – номсы (пыгрись), – ань тах хот-таль ул та тотавем ань апаманямн*» («Ой, – думает (юноша), – меня, наверно, медведь сейчас съест») (Сказки..., 2012: 14–15). Во втором и в последующих предложениях лексема, обозначающая «субъект действия», имплицитно угадывается в тексте для устранения повтора.

Приведём другой пример эллиптических предложений: «*Я, та ёми, та ёми (пыгрись), юв ат хонтхаты. Мир та кинсэгыт, та кинсэгыт, ат хонтаве*» («И вот ходит, ходит (юноша), не может вернуться домой. И люди его ищут, ищут, найти не могут»).

В фольклорных текстах используются неполные предложения (эллипс), также используются односоставные предложения, приведём примеры: «*Нох-унтыс*» («Сел»); «*Хотыглас*» («Наступил день») (Сказки..., 2012: 23, 56). Таким образом, сказитель, используя неполные предложения, передаёт слушателям информацию в необходимом объёме, с минимальным лексическим запасом, что позволяет легко запоминать детям тексты фольклора.

Многомерно и вариативно экспрессивный, гармонический стиль в наибольшей степени присущ произведениям устного народного творчества, а относительная самостоятельность составляющих его компонентов репрезентирована в широком распространении клишированных приёмов, стилевых форм: это и сравнение, и психологический параллелизм, и система иносказаний, и эпитеты, и все остальные проявления «общефольклорного» стиля, одинаково присущего всем или многим устным произведениям.

Основное идейно-художественное содержание различных жанров мансийского детского фольклора – духовное, нравственное воспитание подрастающего поколения, через фольклор детей знакомили с обычаями, верованиями. Посредством фольклора дети запоминают особенности языка фольклора, обучаются родному языку. В этом случае мы можем сделать вывод о том, что каждое произведение фольклора соответствует уровню развития детей.

Таким образом, совокупность фонетических, лексико-семантических, стилистических и синтаксических единиц в их особом сочетании создает особую экспрессивность и образность в текстах детского мансийского фольклора.

Следует отметить, что особое языковое своеобразие изобразительно-выразительных средств эксплицируется, прежде всего, на лексическом уровне и связано с репрезентацией устаревшей лексики (архаизмов и историзмов), заимствований номинаций лексико-тематических групп «православная вера» и «традиционные занятия манси – оленеводство, рыболовство, охота».

Представленную фольклорно-мифологическую картину мира можно определить, как комплекс знаний о мире, и в этом смысле она является в известной степени универсальной для

человеческого менталитета в целом. В жанрах детского фольклора сохранились элементы древних обычаев, верований народа манси: например, в закличках (обращениях), в мифах, быличках.

Полученные результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем анализе специфики и функции системы изобразительно-выразительных средств мансийского языка.

Список литературы:

- Баландин А. Н.** Язык мансийской сказки / А. Н. Баландин. – Ленинград: ГЛАВЦЕВМОРПУТИ, 1939.
- Загадки мансийские (вогульские) / авт.-сост. Т. Д. Слинкина; науч. ред. Е. И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. – С. 178.
- Заклички народа манси / сост., перевод с манс. М. В. Кумаевой; перевод на англ. яз. М. Г. Волдиной; худ. И. В. Соколова; Деп. образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2016. – С. 4.
- Kálmán B.** Wogulische Texte. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976. – 354 s.
- Kannisto A.** Wogulische Volksdichtung / A. Kannisto, M. Liimola // MSFOu. – Bd III. – 1956. – 262 s.
- Kannisto A.** Wogulische Volksdichtung / A. Kannisto, M. Liimola // MSFOu. – Bd VI. – 1963. – Vol. 134. – 335 s.
- Кит пыгыг урыл мойт = Сказка о двух братьях / Составление, расшифровка и перевод на русский язык М. В. Кумаевой; перевод на английский язык М. Г. Волдиной; худ. Н. А. Жеманская; Деп. образования и молодежной политики ХМАО – Югры, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. – С. 3.
- Мансийские колыбельные песни / Составитель М. В. Кумаева; худ. И. В. Соколова; Деп. образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2016. – С. 8.
- Мансийские сказки = Маньси мойтыт: для детей дошкольного возраста / сост., пер. Е. И. Ромбандеевой. – СПб.: Просвещение, 1992. – С. 14.
- Мансийские сказки = Маньси мойтыт: для детей начальных классов // сост., пер. Е. И. Ромбандеевой. СПб.: Алфавит, 1996. – С. 9–12.
- Мансийские сказки: для уч-ся 5–8 классов / авторы-сост.: Е. И. Ромбандеева, Т. Д. Слинкина. – СПб.: Дрофа, 2003. – С. 98.
- Munkácsi B., Kálmán B.** Wogulische Wörterbuch / B. Munkácsi, B. Kálmán. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 s.
- Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / авт.-сост. М. В. Кумаева. – Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. – 176 с.
- Сказки, песни, загадки народа манси: фольклорный сборник / Сост. М. В. Кумаева; [пер. с манс.], прим.: М. В. Кумаева; под ред. Т. Д. Слинкиной, В. Н. Соловар; Деп. образования и молодежной политики ХМАО-Югры, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. – 164 с.

Кумаева Мария Владимировна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.

Ул. Мира, 14А, Ханты-Мансийск, Россия, 628011.

E-mail: kumaeva4@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2018 г.

M. V. Kumaeva

FIGURES OF SPEECH AND THE EXPRESSIVE MEANS OF LANGUAGE OF THE MANSI FOLKLORE

The article is devoted to the characteristic of the figures of speech and expressive means of the Mansi language of lexical, phonetic, morphological, and syntactic levels of the language on the example of folklore texts.

In modern linguistics, the language of Mansi children's oral folk art in the systemic-structural aspect has not been studied. In the present work we adhered to the methodological principles developed by Russian and foreign scientists: A. N. Balandin, E. I. Rombandeeva, A. Kannisto, B. Munkácsi, M. Liimola, etc. The choice of methodology was determined by the objectives and the purpose of the research. To solve the scientific problems we have applied linguoculturological approach to the consideration of texts of Mansi children's folklore. The use of the systemic-structural approach contributed to the explication of the integrity of the object of the research. Structural and semantic analysis also plays an important role in the research. Identification of texts representing the system of the figures of speech and the expressive means was carried out by the method of continuous sampling.

The analyzed material shows that the special linguistic originality of the figures of speech and the expressive means is explicated, first of all, at the lexical level and is related to representation of outdated vocabulary (archaisms and historicisms), borrowing of nominations of the lexical and thematic groups 'Orthodox faith' and 'traditional activity of the Mansi – reindeer herding, fishing, and hunting'.

The combination of phonetic, lexical and semantic, stylistic and syntactic units in their special combination creates a special expressiveness and imagery in the texts of children's Mansi folklore. An important place in the process of forming of the structure of the genre palette of the Mansi texts is occupied by the units of formulaic character, which perform compositional, sense-forming and expressive functions and the system of repetitions, which play the role of stylistic, rhyming and compositional means.

Key words: *folklore; language; sound recording; parallelism; repetition; comparisons; vocabulary.*

References:

- Balandin A. N.** The language of Mansi tales / A. N. Balandin. – Leningrad: NSRA, 1939. – 55 p. (in Russian)
Riddles Mansi (Vogul) / ed.-comp. T. D. Slinkina; nach. ed. by E. I. Rombandeeva. – Khanty-Mansiysk: GWIPP poligrafist, 2002. – 178 p. (in Russian)
Nicknames people Munsey / sost., translated from Mans. M. V. Kumaeva; translation into English. yaz. M. G. Voldina; hood. I. V. Sokolova; DEP. education and youth policy of the Khanty-Mansiysk Autonomous district "Ugra" Ob-Ugrian Institute of applied research and development. – Tyumen: OOO "FORMAT", 2016. – 4 s. (in Russian)
- Kálmán B.** Wogulische Texte. – Budapest: Akademiai Kiadó, 1976. – 354 s.
- Kannisto A.** Wogulische Volksdichtung / A. Kannisto, M. Liimola // MSFOu. – Bd III. – 1956. – 262 s.
- Kannisto A.** Wogulische Volksdichtung / A. Kannisto, M. Liimola // MSFOu. – Bd VI. – 1963. – Vol. 134. – 335 s.
- Keith mygig Uryl mouth = the Tale of two brothers / Compiling, decoding and translation into Russian language M. V. Kumaeva; English translation M. G. Voldina; hood. N. Zemansky; DEP. education and youth policy of the Khanty-Mansiysk Autonomous district "Ugra" Ob-Ugrian Institute of applied research and development. – Khanty-Mansiysk: "pechatnyjj Mir g. Khanty-Mansiysk", 2016. – 3 p. (in Russian)
- Mansi lullabies / Compiled by M. V. Kumaeva; hood. I. V. Sokolova; DEP. education and youth policy of the Khanty-Mansiysk Autonomous district "Ugra" Ob-Ugrian Institute of applied research and development. – Tyumen: OOO "FORMAT", 2016. – 8 p. (in Russian)
- Mansi tales = Mansi moutet: for preschool children / comp., per. E. I. Rombandeeva. – SPb.: Education, 1992. – 14 p. (in Russian)
- Mansi tales = Mansi moutet: for preschool children / comp., per. E. I. Rombandeeva. – SPb.: The Alphabet, 1996. – P. 9–12. (in Russian)
- Mansi tales: for pupils of 5–8 classes. Authors-compю E. I. Rombandeeva, T. D. Slinkina. – St. Petersburg: Drofa, 2003. – 98 p. (in Russian)
- Munkácsi B., Kálmán B.** Wogulische Wörterbuch / B. Munkácsi, B. Kálmán. Budapest: Akademiai Kiadó, 1986. 253 s.
- Tales, legends and little stories verhneshaldinsky Muncie / avt.-comp. M. V. Kumaeva. – Khanty-Mansiysk: Grafika, 2012. – 176 p. (in Russian)
- Tales, songs, riddles Mansi people: a folk compilation / sost. M. V. Kumaeva; [trans. from Mans.], approx. M. V. Kumaeva; edited by T. D. Slinkina, V. N. Solovar; DEP. education and youth policy of the Khanty-Mansiysk Autonomous district "Ugra" Ob-Ugrian Institute of applied research and development. – Khanty-Mansiysk: Ygra format, 2015. – 164 p. (in Russian)

Kumaeva Maria Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Leading Scientific Researcher.

Ob-Ugrian Institute of applied researches and development.

Ul. Mira, 14A, Khanty-Mansiysk, Russia, 628011.

E-mail: kumaeva4@yandex.ru